

© 2011 г. В.В. Высоцкий

УДК 93

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД С 1861 ПО 1925 ГОД

Пореформенный период XIX в. и первая четверть XX в. – это время реформ и потрясений, интенсивного развития капитализма, а в последующем – время рождения новой общественной формации, которая была представлена становлением нового государства СССР. Несомненно, все особенности развития государства отразились в изменении этнокультурных особенностей населения Воронежской губернии, в том числе и в среде потомков украинских переселенцев.

Для того чтобы рассмотреть этнокультурное развитие исследуемой части населения в период с 1861 по 1925 г., необходимо охарактеризовать элементы, являющиеся важнейшими при оценке этнических особенностей любого этноса или субэтноса: особенности усадебной застройки и домостроения, национальная одежда, система питания, обрядность, фольклор. Мы решили в этот список включить развитие сфер образования и культуры.

Постепенно в местах проживания представителей украинской культуры Воронежской губернии изменялись особенности усадебной застройки и домостроения. Забегая вперед, следует отметить, что вплоть до 30 – 40-х гг XX в. во многих районах исследуемого региона сохранялась этническая специфика во внешнем облике и планировке жилого дома и подворья.

А.В. Никитенко, давая описание украинской малороссийской хаты и усадьбы, отметил следующее: «Беленькая хата с двумя чистыми комнатами, кухней и кладовой, крытая соломой под гребенку очеретом, что считается некоторой роскошью, за которой к самой реке спускается огород с грядками капусты, гороха, свеклы, кукурузы и разного рода цветами. В саду за рекой – против самого огорода, расстился сад вишневый, яблони, вишни, груши.

На дворе сарай, конюшни, загородь с навесом для коров и овец, курник по малороссийскому обычаю, была устроена голубятня» [1, с. 24].

Уже в конце XIX в. зажиточные крестьяне в селениях все чаще стали строить каменные дома. По наблюдениям исследователей, в первой четверти XX в. в воронежских селах многие украинские крестьяне строили дома из кирпича и покрывали жестью – вместо прежних «рубленных», крытых соломой. Воронежский краевед Ф. Железнов, обследовавший условия жизни крестьян в начале 20-х гг. XX в. «дал следующую группировку крестьянских изб (по материалам стен): кирпичные строения составили 57 %, на деревянные приходилось 40 и на смешанные 3. Состояние построек выглядело так: ветхие – 45%, новые – 7, посредственные – 52» [2, с. 23].

Исследователями отмечено взаимовлияние двух родственных этносов (русского и украинского), связанных с особенностями домостроения и усадебной застройки. А. Животко отмечал: «Внешний вид хат также резко отличается от собственно московских, хотя в последнее время, где-то в конце прошлого столетия и началом нынешнего, можно уже заметить влияние украинской хаты на строения соседних московских сел...» [3, с. 8].

Развитие капитализма, реформы, стимулировавшие развитие интеграционных процессов, постепенно делали свое дело: изменялись одежда, понятия, обряды, верования и др. Постепенно начал изменяться образ жизни украинского села.

В большинстве русских сел губернии еще сохранялся нетронутым костюм, характерный для русской крестьянской культуры. Если и имели место изменения, то они были незначительными. У украинцев более активно входили в моду элементы городского костюма. Л.Н. Чижикова отмечала: «Однако в украинских слободах, где в XIX веке интенсивно развивались ремесла и мелкие промышленные предприятия, значительно раньше, чем во многих русских селах, началось разрушение традиционных форм одежды и появление черт костюма, более свойственного в это время городскому. Национальная женская украинская одежда в конце XIX – начале XX в. все чаще заменялась рубашкой на кокетке, кофтой, юбкой и поясом из фабричных тканей...» [4]. Только в захолустных пахарских селениях сохранялся еще украинский национальный костюм.

Ткань фабричного производства (шелк, сатин) в начале XX в. практически вытеснила домотканое сукно. Под влиянием городской моды изменился крой крестьянского платья. Крестьянин С.Т. Семенов об изменениях в одежде крестьян начала XX в. писал, что «самотканки вытеснялись ситцем. Зипуны и кафтаны заменились кофтами и пиджаками». Мужчины надевали поддевки, пиджаки, штаны не «набойчатые», а суконные и бумажные. Молодые люди ходили в пиджаках, подпоясывая брюки ремнями с пряжками. В прошлое уходили традиционные женские головные уборы. Сельские девушки ходили с непокрытой головой, украшая ее искусственными цветами, накидывая платок на плечи. Деревенские модницы носили приталенные кофточ-ки, «польты», шубки. Обзавелись зонтиками и калошами. Последние стали «писком» деревенской моды. Их носили больше для украшения, так как надевали в тридцатиградусную жару, идя в церковь [5].

Система питания украинского населения губернии не претерпела значительных изменений. Вот что отметил в одном из своих трудов Ф. Никонов: «... хохол любит есть наиболее горячее, а из холодного всего более нравятся ему свиное сало да селедка; кислого он ест мало, черного хлеба и русского квасу не терпит и более обычные кушанья его следующие: кулиш (суп из пшеницы) с салом или мясом и дома и в поле; галушки (шарики из черного пшеничного теста) сваренные в воде, иногда в молоке; при достатке вареники и блинцы с сметаной и коровьим маслом; при бедности – капуста (густое кушанье из капусты и пшеницы и очень кислое), или затирка (образовавшиеся из брызгов по муке теплой водой шарики, сваренные в воде); в заключении ужина почти всегда крутая каша с горячим и соленым молоком. Наедается малоросс скоро, т.е. потребляет немного, но принимается за еду чаще русского» [6].

Основной формой украинской семьи была малая, двухпоколенная (родители – дети) и расширенная – трёхпоколенная. Постепенно под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений в конце XIX в. усиливался процесс частичного или полного распада больших семейных коллективов.

В семейном быту в массе своей украинское население старалось сохранить традиции предков, что было, в первую очередь, обусловлено непринятием этнически смешанных браков. «Во второй половине XIX в. национальная обособленность сильнее была выражена в тех случаях, когда русские и украинцы жили более или менее компактно, в отдельных селах, которые в про-

шлом представляли определенное хозяйственно-административное и социальное целое (общинные связи, взаимопомощь, религиозная принадлежность и др.). Это выражалось прежде всего в том, что сравнительно редко заключались браки между русскими и украинцами. «По сообщениям корреспондента из Бирючинского уезда Воронежской губернии «малороссияне» никогда не женятся на «московках», «хочь вони и гарни, та московки борщю не умеют зварить». Старожилы сел исследуемой территории также считают, что браки между русскими и украинцами заключались редко. Это в значительной степени объяснялось бытовыми различиями (более ярко проявлявшимися в говорах и традиционной женской одежде). Поэтому невест и женихов предпочитали выбирать в пределах своего села. Но в том случае, если не могли подыскать невесту в своем селе, украинцы ездили сватать в украинские села, как бы далеко они не были расположены, а русские — в села, населенные русскими» [4, с. 46-47].

«А если и случалось такое, то взять невесту «из москалей» считалось гораздо более приличным, чем отдать замуж «хохлушку» за «москаля». Такое дифференцированное отношение к бракам сложилось вследствие восприятия обыденной жизни в русской деревне и «у себя». Так как свой мир представлялся более привлекательным, более правильно устроенным, то приход в этот мир человека «другого» мира оценивался как признание, принятие его ценностей. И, наоборот – к переходу невесты в другую этническую группу относились негативно» [7, с. 29].

Важным фактором, влиявшим на сохранение патриархальных семейных традиций в украинских семьях исследуемого региона, являлось влияние общины. Крестьяне должны были соблюдать традиционные нормы семейного права, в противном случае их поведение порицалось. Крестьяне могли быть изгнаны из общины [8, л. 22].

Однако начиная со второй половины XIX в. во многих селениях происходило постепенное разрушение традиционной украинской семьи, в частности, в зонах дисперсного проживания русско-украинского населения.

Постепенно в пореформенный период в украинских селениях, как и в русских, менялся образ жизни, менталитет, традиции и обычаи, формировалось совсем другое отношение к обрядам. «У необразованных осталась песня, свадебный обряд, выставка красных флагов в смысле доказательства девствен-

ности молодой, щедривка, посивання, колядка, кутя на сочельник, жарене порося на Пасху. У образованных торогих слобожан молодежь не посеваает, не колядует, у них не верещать дружки, не ходять колядувать, стыдятся по простому заявлять о девственности молодой» [9, с. 644-645].

Рассматривая характерные черты обрядово-ритуальной организации жизни украинского населения губернии, обратимся к особенностям развития свадебной обрядности и народной религии. Как и в XIX в., в первой четверти XX в. в среде потомков украинских переселенцев сохранялись основные патриархальные традиции свадебной обрядности. Тем не менее, свадьба, как элемент народной культуры, претерпела определенные изменения, касающиеся психологического уровня. Магическая функция свадебных обрядов оказалась практически забытой, ритуальные действия больше стали походить на игру [10].

Народной религии украинского населения была свойственна своя специфика, которая заключалась в своеобразном синтезе языческих и христианских воззрений. Центром жизненного цикла крестьянина, кроме церкви, была хата с находившейся в ней иконой. Все основные церемонии, связанные с рождением, свадьбой и смертью, происходили в избе. Официальная церковь полностью не разделяла верований крестьян и изживало язычество, в которых были колдовство и элементы магии. Однако влияние церкви и традиционной крестьянской религии вплоть до прихода советской власти на жизнь украинского крестьянства было огромно. После революции 1917 г. постепенно получала развитие атеистическая идеология. В директиве ВЦСПС 1927 года говорилось, что «всем профорганизациям и клубам в планы своей культпросвет работы обязательно включать вопросы антирелигиозной пропаганды. Необходимо втягивать в ячейки и кружки безбожников членов профсоюзов и членов их семейств, обеспечив эти кружки достаточным количеством экземпляров «Антирелигиозной Хрестоматии» [11, л. 4-5]. Однако новая идеология практически ничего не изменила в религиозном сознании крестьян, часть которых продолжала придерживаться традиционного мировоззрения. На территории Воронежской губернии в 1926 – 1927 гг. было 1160 церквей, верующие составляли 73 % взрослого населения [10, с. 16-17]. Значительная часть верующих приходилась и на регионы проживания украинского населения.

Эволюционировал постепенно в XIX в. в крестьянской среде Воронежской губернии и фольклор. Особенно это проявлялось в развитии песенного творчества в регионах дисперсного проживания русско-украинского населения:

- в регионах смешанного населения встречались песни, которые являлись общими для русского и украинского фольклора. Общность сюжетов некоторых из них уходит своими корнями в далекое прошлое. Это подтверждает анализ их содержания, образов, лексики. В русских селах зафиксировано бытование одних и тех же сюжетов на русском и украинском языках;
- в песнях русских встречались образы и символы из украинской народной лирики. Наблюдались две тенденции: либо использовался символ украинской народной поэзии, либо общий для русского и украинского фольклора символ осмысливался близко к украинскому;
- в текст русских песен проникали украинизмы;
- иногда русские и украинские песенные элементы находились в состоянии сложного сплава: песня украинская – зачин русский; песня русская – зачин украинский [12].

Как мы видим, этническая культура потомков украинских переселенцев претерпела определенные изменения, которые были связаны и с влиянием русской культуры и новой идеологии, однако можно говорить о сохранении целого ряда этнокультурных особенностей, характерных для украинской народной культуры.

Анализируя этнокультурное развитие представителей украинской культуры нельзя не коснуться такого аспекта, как язык общения, который постепенно подвергался изменениям под влиянием соседнего русского населения, под воздействием развития системы образования. Только в одном Острогожском уезде, населенном преимущественно украинцами, к 1917 г. функционировали 204 земские школы, преподавание в которых велось на русском языке.

Начиная с 1917 г. после Октябрьской революции на территории началось развитие украинского национального культурного движения. В самом Воронеже была сформирована культурно-просветительская организация «Украинская громада». В это же время украинское движение получило развитие и в Острогожске, Богучаре и в других центрах. Однако несмотря на то, что население юга и юго-запада Воронежской губернии по своему этническому со-

ставу было преимущественно малороссийским, активистов, которые поддержали бы развитие этого движения, найти было сложно [3].

И, тем не менее, среди уроженцев «Подонья» было немало деятелей науки, культуры и искусства, которые внесли большой вклад в развитие украинской культуры. Среди них профессор Харьковского университета О. Складовский; ученый и исследователь М. Костомаров; этнограф и писатель М. Дикарев; издатель И. Червотенко, который известен тем, что способствовал изданию книг на украинском языке; писатель К. Сопляк (К. Межинский); организатор украинских хоров М. Одуд (М. Удодов); поэт и переводчик О. Коваленко; писатель В. Скрипник; литературный критик и публицист О. Ковалевский, в свое время активный представитель украинского студенчества в Петербурге; народный украинский поэт Е. Плужник и другие [3].

Анализируя развитие этнокультурных особенностей потомков украинских переселенцев Воронежской губернии в рамках исследуемого периода, следует отметить следующее:

- по-прежнему большая часть украинского населения Воронежской губернии еще сохраняла практически не тронутыми традиции домостроения и усадебной застройки, основные элементы народной одежды, систему питания, традиции и обычаи, фольклор, характерные для украинской этнической культуры. Однако постепенно, благодаря развитию интеграционных процессов, связанных с формированием новых социально-экономических отношений, начинают происходить изменения, которые коснулись всех элементов этнокультуры украинского населения региона, что было характерно в первую очередь для зон дисперсного расселения, для городов и крупных промышленных слобод;
- более эффективно по сравнению с предыдущими периодами в ходе исследуемого периода развивалась в Воронежской губернии система образования, что вело к постепенной русификации украинского населения;
- несмотря на то что значительная часть потомков украинских переселенцев сохраняла основные особенности, характерные для украинской этнической культуры, на уровне самосознания они уже вышли из лона своего этнического круга и вступили на путь полного слияния с русской нацией. Об этом свидетельствует пассивное отношение малорос-

сийского населения Воронежской губернии к развитию украинского национально-культурного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поликарпов. Ф.И. «Народный быт». Воронеж, 1927.
2. Железнов Ф. Воронежская деревня. Больше-Верейская волость. Воронеж, 1926. Вып. II.
3. Животко А. Подонь. Українська Вороніжчина в культурному житті України). Прага, 1943.
4. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М., 1988.
5. Семенов С. Т. Русская мысль. 1902.
6. Никонов Ф. Быт Памятная книжка Воронежской губернии на 1870-1871 гг. Воронеж, 1871.
7. Христова Г.П. Этнография центрального Черноземья. Воронеж: «Истоки», 2007. Вып. 6.
8. ГАВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. – 152. Л. 22.
9. Киевская старина. Т. 11, апрель, 1885.
10. Коренева А.В. Крестьянство Воронежской губернии в начале XX века (духовно-психологический облик). Автореферат. Тамбов, 2008.
11. ГАВО. Ф. 481. Оп. 9. Д. 29, Л. 4–5.
12. Грешникова А.В. Русско-украинские фольклорные связи внеобрядовой песенной лирике (на фольклорном материале курской области). Автореферат. Орел, 2007.